

Андрей Михалков-Кончаловский

О ПОЛЬЗЕ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО

ОНАНИЗМА

Те, кто видел незабвенный «Амаркорд» Феллини, помнят очень трогательный эпизод, в котором мальчишки заперлись в автомобиле и, вызывая в памяти персональный объект сладострастия, истоиво возбуждают свою плоть, предаваясь мастурбации, говоря по-простому, «дрочат». Источником чувственного вдохновения для каждого из них была особая женского пола. Не знаю, имел ли великий Фредерико в своем замысле определенную метафору или нет, но она напрашивается. Но существуют эти мальчишки — художники, творцы, ибо творческий акт есть не что иное, как возбуждение фантазии посредством воображения. Фантазия художника может основываться на чистом вымысле либо на реальности. Не знаю, реальны ли были сексуальные фантазии всех мальчишек, но то, что двое из них могут с гордостью причислить себя к художникам-реалистам — это факт. Они спорят о том, кто первый начал мастурбировать, воображая реально существующую Альдинду. Как бы ирреально и фантастично ни было художественное творчество, природа его одна — основой для него является окружающий творца реальный мир. В своих фантазиях художник создает свой мир, переносит его, переплавляет, совмещается с ним, испытывая «реальное» наслаждение, подобно мастурбирующим феллиниевским мальчишкам.

КРАСОТА СПАСЕТ МИР? ПОЛНОТЕ...

Что движет художником? Стремление переделать жизнь? Пылким юношеским сердцам очень часто мерещится роль мессии — пророка. И только немногие не теряют вместе с редущими волосами ощущение своей исключительности и не приобретают с сединами горький привкус тщетности своих попыток. И, тем не менее художник продолжает творить. Если он, конечно, не потерял этой способности. «У художника может быть только один недостаток — импотенция». — не бесспорно, но элегантно провозгласил Моравиа. Потенция — потребность создавать, создавая тщету своих усилий, понимая, что, прочитав даже великую книгу, просмотрев великий спектакль или фильм, зритель или читатель посидит пяток минут с замороженной улыбкой и просветленным взглядом и нырнет с прекрасного далека в промозглую сырость ледяющей ночи, смешавшись с толпой равнодушных и чужих людей, и поедет дальше в вагоне действительности со всеми остановками с одной мыслью: чтобы кто-нибудь не наступил на ногу, а тем паче не выкинул на полном ходу из окна. Ах эти пять минут просветленного взгляда! Как хотелось бы, чтобы они продлились дольше, а может быть, и навсегда преобразили человека. Мне кажется, что в подсознании каждого художника лежит желание создать зрителя согласно своему образу и подобию. Желание наглое и бесплодное, ибо создание человека дело не человеческое, а Божье. И несмотря на это, чтобы не потерять своей искренности и гордыни, творец должен зажмурить глаза, чтобы игнорировать сам факт своей беспомощности. Неудивительно, что вместе со зрелостью к художнику часто приходит горечь. Помните, как у Набокова: «...У него глаза были слишком добры для писателя»? Только сознательно зажмурив глаза и вычеркнув из памяти Варфоломеевскую ночь, костры инквизиции, дыбы, гильотины, уже не говоря о Хиросиме и Абувице, можно провозгласить, что красота спасет мир. Красота спасет мир? Как бы не так! Пока мир спасает страх человека перед самоуничтожением, перед голодом и холодом. А мгновения красоты, человеческой доброты — редкие исключения, которые мы коллекционируем в своей памяти как драгоценные

свидетельства, подтверждающие, что в человека можно все-таки верить. Черпая вдохновение из своего бытия, художник интеллектуально мастурбирует и создает отражение этой реальности, создает свой «параллельный чувственный мир». Отражение это — далеко не зеркальное, ибо чем самобытней художник, тем более выгнуто и искажено зеркало его воображения. Взаимоотношения художника и зрителя — вечная и болезненная тема. Ибо как бы художник не старался убедить себя и других, что он творит, как «птица небесная», ради чистоты самовыражения, где-то глубоко внутри у него всегда теплится надежда, что найдутся люди, которые его услышат, проникнутся и

поверят. Что-то не припомню случая, чтобы художника поверг в отчаяние сногшибательный успех. И чего греха таить, художник тоже хочет кушать, ему нужны деньги. Не будет несправедливым сказать, что художник живет в ожидании зрителя. Рисует ли он мелками на тротуаре или пишет под сводами Сикстинской капеллы — ему нужен зритель, и между папой римским, оплачивавшим труд Микеланджело, и прохожим, кинувшим монетку уличному художнику, есть нечто общее — это зрители, которые платят. Художник живет за их счет.

«СЕЙТЕ РАЗУМНОЕ, ДОБРОЕ, ВЕЧНОЕ»

Пол Пот

Но есть особая категория зрителей, которые не только не платят за то, что являются зрителями, но еще и требуют гонорар за высказывание своей точки зрения. Надо заметить, что интеллектуальная ценность такой точки зрения может быть весьма относительна. Эта категория, живущая за счет художника, — критики. Уважайтесь, но ведь если не было бы творца, не было бы и критика. Хотите вы или нет, вы единственные, кто живет за счет художника. В определенном смысле вы — паразиты, и надо набраться мужества, чтобы признать это. Если использовать аналогию художественного творения как результата мастурбации по поводу реальности, то критик может возбудить свою художественную потенцию, другими словами, испытать творческую эрекцию только после того, как художник «отстрелится». Нередко он, бедный, сидит и ждет, пока появится объект для его критического осмысления, для отражения как бы уже отраженного материала. Творческий процесс критика — это мастурбация по поводу мастурбации. Ведь критика питается уже обработанным, переработанным продуктом, а не живой жизнью. Я чувствую, как логика моих построений становится шаткой и малоубедительной, но делать нечего — поскольку я начал, надо попробовать довести аналогию до конца.

Любой художник — это человек, который «увидел» нечто в мире. Увидел нечто в человеческой душе. Постарался осмыслить человека. Тяжкий, достойный всяческого уважения труд — понять человека. Художник мне напоминает не птичку небесную, не ведающую, что поет, а вола, тащащего плуг, пропахивающего целину. Вздувшиеся вены, полуприкрытые от усилий веки, лоснящаяся от пота шкура — а вокруг вьются разного рода букашки, жужжат что-то под ухом и норовят присесть где-нибудь в нежном месте и пропустить жало под кожу. У букашек есть своя иерархия — тут бойкая мошкарка вьется, которую мож-

но отогнать одним дыханием ноздри. Там — слепни, этих можно отогнать хвостом. Но уж если сядет овод, хрен его достанешь! Чему учат критиков в России? Очевидно, истории искусств, эстетике, начиная с Аристотеля, анализу художественной формы, надо надеяться. Однако о качествах хорошо сшитого сапога может рассуждать только человек, сам хорошо знающий, как его шить. Мне, кстати говоря, более интересно слышать критические рассуждения сапожника о моих произведениях, ибо у него нет желания навязать свою точку зрения нескольким тысячам потенциальных зрителей. Но я убежден, чему у нас не учат — это уважению к личности. В определенном смысле это и понятно — не помню, кто, кажется, Герцен, сказал, что в Европе никому не пришло бы в голову высечь Спинозу или отдать в солдаты Паскаля. У нас бы непременно сделали и то, и другое. Ну в крайнем случае можно было объявить сумасшедшим или посадить под домашний арест. Только в нашей «пассионарной» стране один из неистовых основателей русской критической мысли мог высказаться подобным образом о своем оппоненте: «...одного страстно желаю по отношению к нему: чтобы он валялся у меня в ногах, а я каблучком сапога размозил бы его... физиономию... Пусть заведутся черви в его мозгу и издохнет он в муках — я рад буду». (В.Г.Белинский. Полное собр. соч., т. 12, с. 109)

Помните «Чайку» Чехова? Я — помню. А помните, что писала критика? Нет, не странно ли? В определенном смысле художнику везет, ибо, как правило, критические статьи печатаются на газетной бумаге, которую наш предприимчивый народ использует для заворачивания селедки, а также вместо туалетной бумаги, хотя общеизвестен факт вредности свинцовой типографской краски для... как бы выразиться поделикатнее... по Пушкину: «грешной дыры».

Но ведь это мы с вами не помним, что писала критика о «Чайке», а Антон Павлович в истерике поклялся никогда не писать для театра. Депрессия Рахманинова после критических отзывов о Первой симфонии длилась три года. А о живом Врубеле критика вообще писала в прошедшем времени. А что писали шведские критики о Бергмане, левые итальянские критики о Феллини? Где те критические статьи? Кто их читает?..

В каждом человеке живет творец. И в критике живет творец тоже. И, мне кажется, что критик подсознательно в своем творчестве создает художника сообразно своему образу и подобию. И если старания художника создать зрителя — тщетны, то у критиков их старания иногда достигают успеха. Только алмазная твердость, только чуткое прислушивание к своему внутреннему пульсу, только часто вынужденное презрение к мнению охраняет художника от разрушения. Отсюда надменная улыбка Врубеля: «Ваше отрицание меня дает мне веру в себя». Отсюда признания Ингмара Бергмана: «У художника иногда возникает желание выйти на сцену, подойти к рампе, блевануть в зрительный зал, а потом убежать за кулисы и повеситься». А сколько художников растеряло крулицы своей самобытности, стараясь быть обласканными критиками? Сколько художников в отчаянии от разрушительной критики забыли тайну, которая мерещилась им в темноте?..

Однако, поскольку всякая божья тварь имеет свое место в природе, значит, она нужна. Без мошкарки переведется рыба в водоемах, моллюски выедадут у кита из-под кожи личинок. То же и критики — без них художник обрстет штампами, успокоится. Именно противостоять критике, художник остается самим собой — я имею в виду любую критику, даже хвалебную, может быть, именно хвалебную, ибо часто успех толкает художника на подсознательное копирование своей предыдущей работы; словом, ругают — плохо, хвалят — тоже плохо. В Англии, где погода не славится, есть поговорка: «Климат делает характер». Наверное, это можно спроецировать и на взаимоотношения художника и критика... Попробую компенсировать сбивчивость содержания этих заметок стройностью формы — вернуться к незабвенному Феллини. Помните, в «8 1/2» вокруг художника вьется интеллектуал-критик? Анализирует сценарий, высказывает претензии, пожелания, горячится, советует... Приятно послушать умного человека. Но у художника одна мечта, как у того самого вола — взмахнуть хвостом и прихлопнуть, чтоб не зудел над ухом...

P.S. Три часа утра. Слышу «голоса». В полусне нащупываю карандаш и записываю: НАДО ЗАПРЕТИТЬ ВСЯЧЕСКУЮ ХУДОЖЕСТВЕННУЮ КРИТИКУ, ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ ТОЙ, КОТОРАЯ ПИШЕТ СТАТЬИ, РЕЦЕНЗИИ, МОНОГРАФИИ ТОЛЬКО ПРО МЕНЯ И ТОЛЬКО ХВАЛЕБНЫЕ. АВТОР.